

В лучах солнца русской поэзии

В известном справочнике Л. Черейского "Пушкин и его окружение", вышедшем в 1988 году в Ленинграде, справка на Д.П. Ознобишина гласит: "С его слов записаны воспоминания о встречах в 1830-х годах с Пушкиным в петербургском салоне Михаила Виельгорского. По утверждению А.А. Фукс, Пушкин, будучи в Казани (сент. 1833), просил показать ему стихи, написанные ею, Е.А. Баратынским, Н.М. Языковым и Д.П. Ознобишиным, и "читал их всем сам вслух".

В критической статье о "Северной лире" на 1827 год Пушкин неодобрительно отозвался о переводах Ознобишина из А. Шенье и арабских поэтов. И эта оценка, слово в слово, вошла в "Пушкинскую энциклопедию", вышедшую в Москве в канун 200-летия со дня рождения великого поэта, а также ряд других юбилейных изданий.

Однако, справка составлена Черейским не лучшим образом. В ней с учетом хронологии событий, первым следовало упомянуть пушкинский отзыв об альманахе "Северная лира", изданном в Москве в 1827 году С.Е. Раичем и Д.П. Ознобишиным. И вряд ли суждение Александра Сергеевича, что "г-ну Абр. Норову не должно было бы переводить Данте, а г-ну Ознобишину — Андрея Шенье", можно однозначно квалифицировать как "неодобрительное". Уместно было сказать читателю, что Пушкин не обнародует своей черновой статьи о "Северной лире".

Небезызвестен и такой факт. Миф о чудесном спасении певца

Ариона, приведенный Ознобишиным в "Северной лире", привлёк внимание Александра Сергеевича в том же 1827 году при создании им стихотворения "Арион".

Обратимся к свидетельству казанской поэтессы А.А. Фукс, доброй знакомой Дмитрия Ознобишина, Евгения Баратынского и Николая Языкова. Думается, ей вполне можно доверять. Свидетельство А. Фукс, что Александр Сергеевич читал в ее салоне стихи своих друзей — Н. Языкова и Е. Баратынского, а также Ознобишина, говорит о том, что первый поэт России в 1833 году с должным вниманием относился к творчеству Дмитрия Петровича.

А теперь перейдем к главному в справке Л. Черейского — утверждению, будто со слов Д. Ознобишина "записаны воспоминания о встречах с Пушкиным в петербургском салоне М. Виельгорского". В подтверждение этого вывода Л. Черейский ссылается на "Симбирские губернские ведомости" от 26 мая 1899 года, в которых была напечатана пространная заметка отставного поручика В.П. Юрлова "К воспоминаниям об А.С. Пушкине". Этот престарелый старожил, побывавший в начале 1860-х годов в симбирской тюрьме за мошенничество, воспользовался юбилейной шумихой в связи со 100-летием великого поэта и поведал землякам о якобы слышанном им "от разных лиц, хорошо знавших А.С. Пушкина".

Л. Черейский же всецело поверил этой публикации и в книге "Пушкин и его окружение" поместил даже отдельную справку "Юрловы". В ней В.П. Юрлов, его отец и дядя причислялись к участникам званого обеда, якобы данного А.М. Языковым в фамильном особняке в сентябре 1833

года в честь прибывшего в город А.С. Пушкина. Однако документы и материалы позволили мне еще в 1980-х годах опровергнуть в печати, а в 1999 году и в книге "Симбирские дни Пушкина", все измышления В.П. Юрлова.

В настоящих же заметках я останавливаюсь лишь на том месте юрловской публикации в "Симбирских губернских ведомостях" от 26 мая 1899 года, где отставной поручик якобы пересказывает то, что слышал от поэта Д. Ознобишина о "близко знакомом" ему А.С. Пушкине.

"Я познакомился с Пушкиным, — говорил Д.П. Ознобишин, — у графа Виельгорского. Бывая на вечерах этого мецената муз и музыкального искусства, я заметил, к моему удивлению, что Пушкин не был ни музыкантом (?), ни даже любителем музыки, а, между прочим, бывал на всех вечерах, даже исключительно музыкальных, и предпочитал музыкальную игру в карты и преимущественно в азартные игры..." (этот пассаж автобиографичен для В.П. Юрлова: в

М.П. Погодин.

М.Ю. Виельгорский.

молодости он проигрывал в карты так много, что его отец публично объявил в Симбирске об отказе выплачивать долги сына-поручика):

Рассмотрим хотя бы вкратце этот абзац юрловской публикации, чтобы убедиться в их надуманности. Во-первых, Александр Сергеевич никогда не говорил о своем знакомстве с Д.П. Ознобишиным. И ни один современник-мемуарист не упоминал поэта-симбирянина в числе пушкинских знакомых. Во-вторых, Александр Сергеевич не раз бывал у братьев Матвея и Михаила Виельгорских, помогал последнему при написании музыки на свои стихи ("Старый муж, грозный муж...", "Черная шаль" и др.), посещал вместе с братьями музыкантами концерты в домах В.В. Энгельгардта и Д.А. Нарышкина. Но в 1820-1830-х годах, когда Александр Сергеевич общался с Виельгорскими, Дмитрий Ознобишин вообще не бывал у этих музыкантов-меценатов и, следовательно, ничего не мог говорить В. Юрлову об увлечении Пушкина азартной карточной игрой в музыкальном салоне Виельгорских.

Злонамеренными измышлениями В. Юрлова являются и последующие строки, выдаваемые им за слова Ознобишина относительно А. Пушкина: "Его суждения о писателях нередко отличались крайней горячностью и даже некоторой грубостью... Вероятно, эти обстоятельства и были причиной тому, что у него было очень много врагов. Вы, конечно, читали, - говорил мне Дмитрий Петрович, - в сочинениях Пушкина, в мелких статьях его, рассказ о разговоре его с графом Бенкендорфом, когда он, т.е. Пушкин, был приглашен дать объяснение на крайне резкое стихотворение, написанное им на графа Уварова? Скажу откровенно, что несмотря на то, что граф Бенкендорф хорошо знал горячую натуру Пушкина, с трудом можно допустить, чтобы он, всемогущий в то время, мог допустить столь грубое к себе отношение".

"Все известные писатели того времени, - говорится далее в юрловской публикации, - удивлялись той снисходительности к Пушкину, которую проявлял к нему и сам государь император Николай I, тем более, что было много примеров тому, что покойный государь карал строго некоторых из писателей... Милости уже покойного государя к Пушкину были поистине великие".

Поистине диву даешься, читая эти беззастенчивые измышления

беспринципного и невежественного отставного поручика. Ведь в 1899 году даже гимназистам было ведомо, что "все известные писатели", начиная с Г.Р. Державина, Н.М. Карамзина, И.И. Дмитриева и В.А. Жуковского, признавали Александра Пушкина гениальным поэтом России и в меру своих сил защищали его от гонений, которым он подвергался со стороны Александра I и Николая I, а также высокопоставленных чиновников.

Кто-кто, а Дмитрий Ознобишин, десятилетиями ощущавший и на себе гнет правительственной цензуры, ведавший о шестилетней ссылке Пушкина за вольнолюбивые стихи и едкие эпиграммы, отлично знал, что "небом избранный певец" далеко не благоденствовал даже в зените своей славы. Свое благоговейное преклонение перед трагически погибшими А. Пушкиным и М. Лермонтовым, Д. Ознобишин ярко выразил в 1841 году в стихотворении "Две могилы". И какой болью за судьбу Александра Сергеевича пронизаны строки:

*Полн тревоги, чувств, сомнений,
Был один – властитель дум;
Он в порыве вдохновения
Дивной силой песнопений
Волновал невольню ум.
Лишь рукой ударил в струны –
Русь откликнулась им.
И во гроб сошел он юный,
Как певец непобедим.
Сколько славы схоронил он!
Сколько ждал он мог венков!
И Россию как любил он!
Как грошил клеветников!*

Дмитрий Петрович послал это стихотворение знакомым литераторам с надеждой на появление его в печати. Но, увы, из-за цензурных препон оно увидело свет в сборнике "Поэты 1820-1830-х годов", вышедшем в Ленинграде лишь в... 1972 году.

Чувство глубочайшего уважения к личности и творениям Пушкина поэт-симбирянин сохранил на всю оставшуюся жизнь. Одним из свидетельств этого является послание "Наталье Александровне Дубельт, урожденной Пушкиной", созданное Дмитрием Петровичем в Петербурге 25 февраля 1867 года (на русском и французском языках) в самом начале которого поведает:

*Как много в Вас блеска,
и неги, и света,
Властительной силой
чарует Ваш взгляд!
Гляжу с восхищеньем
на дочь я Поэта,*

Чьи песни в России

так сладко звучат.

А завершается послание мольбой, чтобы на ее долю жребий выпал счастливый, а избранник сердца сумел бы ценить ее, и пожеланием:

*Чтоб грустной тревоги
не видели вечно,
Чтоб все Вы бывшее
забыли, как сон,
И радость была бы
Ваш спутник беспечный,
И был путеводной звездой
Вам он!*

Как могло случиться, что поэт открыто желает Наталье Александровне обрести более достойного спутника жизни, нежели Михаил Дубельт (сын главы жандармов России, с которым дочь Пушкина развелась)? Дело в том, что любимая племянница Д. Ознобишина Александра Ивановна Базилевская была замужем за Николаем Дубельтом и, вследствие этого, приходилась снохой дочери Пушкина. Благодаря семейственным узам, поэт общался с Натальей Александровной в неофициальной обстановке и был, как говорится, в курсе некоторых сторон ее семейной жизни и планов на будущее.

Отрадно, что добрые пожелания Дмитрия Петровича Наталье Александровне сбылись уже в 1868 году, когда она вышла замуж и стала графиней Меренберг. Небезызвестно также, что именно она предоставила И.С. Тургеневу для опубликования письма отца к матери, два из которых были написаны Александром Сергеевичем в сентябре 1833 года в с. Языково и Симбирске.

Стоит добавить, что Ознобишин и Пушкин долгие годы имели общих друзей и знакомых (Н. Языков, Д. Веневитинов, С. Шевырев, П. Вяземский, М. Погодин, В. Сологуб, В. Одоевский, М. Максимович и др.), поэтому Дмитрий Петрович знал о жизни и творчестве "солнца русской поэзии" несравненно больше, чем об этом говорилось в открытой печати. Несомненно, творческая деятельность Ознобишина испытала благотворное влияние пушкинского гения, и, как отмечалось критиками, поэзия Дмитрия Петровича во многом представляла собой "прямой отголосок лиры Пушкина". Именно так относился к поэзии Ознобишина и сподвижник Александра Сергеевича профессор П.А. Плетнев, публиковавший стихи нашего земляка в "Современнике" 1839 года.

Жорес Трофимов